Обреченные на страх

Автор:
Альбина Нури

Обреченные и проклятые

Альбина Нури

За пределом реальности

Жизнь Марьяны рухнула в пропасть вместе с любимой сестрой Жанной и маленькой племянницей Дашей, которые погибли во время отпуска на Черном море: сорвались с обрыва, разбились о камни.

Муж Жанны по непонятной причине отдалился от семьи жены, и это причиняло родителям Марьяны дополнительные страдания. Девушка хотела понять, что стоит за внезапным отчуждением, и Илья рассказал, что Жанна сама спрыгнула со скалы вместе с дочерью.

Выясняя, что заставило сестру решиться на дикий поступок, Марьяна оказалась вовлеченной в события, не поддающиеся логическому объяснению. А вскоре она узнала, что сестра и племянница – далеко не единственные, кто погиб так необъяснимо и жутко. Более того, подобное происходит каждые три года, и все смерти как-то связаны между собой.

Книга также издавалась под названием «Обреченные на страх».

Альбина Нури

Обреченные и проклятые

«Ты нервничаешь и немного не в себе.

Из несвязных случайных совпадений ты выстроила целую историю преследования! <…>

Ну, видишь, маленькая идиотка? Все твои построения рушатся, стоит только к ним прикоснуться!»

Но почему тогда…

Айра Левин. «Ребенок Розмари»

Наши дни

Хрусталев возник на пороге кабинета, как всегда, неожиданно. Всех остальных посетителей слышно заранее: они звонко цокают каблуками туфель и ботинок или шаркают подошвами, когда идут по длинному узкому, похожему на тоннель, коридору с нависшим потолком.

Но на этого типа обычные законы не распространяются. Может, он вообще не ходит, а плывет над полом по воздуху, как бесплотная тень?

Только что стояла сонная тишина, а уже в следующую секунду дверь с противным визгом повернулась в петлях, и внутрь кабинета проскользнул человек. Длинный, тощий, угловатый, как циркуль, он всегда держался очень прямо, словно силился дотянуться головой до потолка.

«Специально подкрадывается, что ли?» – с досадой подумал Петр Сергеевич, однако вслух не возмутился, только заметил:

– Могли бы постучать.

– А вы что, заняты чем-то предосудительным? – без тени улыбки осведомился Хрусталев. В руках он держал белую картонную папку с тесемками.

– Многие называют это вежливостью, – вздохнул хозяин кабинета, сидевший за громоздким старомодным столом, заваленным бумагами. – Ладно, оставим бесполезный разговор о манерах. Что там у вас?

Вошедший молча положил на стол свою папку.

– Вы собираетесь шантажировать меня ее содержимым, как Остап Бендер – миллионщика Корейко? – пошутил Петр Сергеевич, но ответной улыбки не дождался. Что ж, ничего удивительного. Чувство юмора у Хрусталева отсутствовало. Печальный факт, учитывая их профессию.

– Откройте, полюбопытствуйте, – коротко бросил Хрусталев и огляделся с таким видом, будто попал сюда впервые, хотя знал в этой комнате каждую трещинку, каждое пятно на выцветших желтых обоях.

Петр Сергеевич скривился, не пытаясь скрыть недовольства, и потянул за тесемки. Внутри находилась толстая пачка бумаги. Обычные белые листы формата А4 с напечатанным на них текстом. Заголовок отсутствовал, имя автора – тоже. Сверху было пропечатано «Глава первая» – и только.

– Я прекрасно понимаю, что никто не поверит в правдивость моей истории, даже если ее каким-то чудом и прочитают. Люди станут крутить пальцем у виска: надо же, какая больная фантазия… – вслух прочел он. – Что за чушь? Рукопись какая-то? Теперь все пишут – мода такая. Писателей больше, чем читателей. Неужели кто-то из наших взялся…

– Да погодите вы острить! – дернув плечом, перебил Хрусталев. – Сначала почитайте!

– Откуда у меня время на бесполезное чтение? – возмутился хозяин кабинета, сунул пухлую руку с коротко остриженными ногтями в папку и пролистнул несколько страниц. – Когда это читать? А главное, с какой стати? У нас тут что, издательство? Бросьте вы эти глупости!

Хрусталев ничего на это не ответил, продолжая буравить Петра Сергеевича взглядом.

«Какое все же у него лицо странное! Широкое, квадратное, как площадка. И рта совсем нет – щель какая-то. Брови еще эти… Что за нелепость! Кустятся почище, чем у Брежнева», – подумал Петр Сергеевич.

– Хорошо, хорошо! Прочту! – сдался он, прекрасно понимая, что Хрусталев не отвяжется, пока не добьется своего. Справедливости ради нужно сказать, что этот человек никогда не просил о чем-то пустяшном, не занимался глупостями – для этого он слишком серьезен, даже мрачен. Если притащил сюда эту писанину, выходит, в ней есть нечто действительно важное. – Сейчас прямо и начну.

Хрусталев вышел, как обычно проигнорировав слова прощания. Петр Сергеевич вздохнул, взял первый лист и погрузился в чтение.

Рукопись. Глава 1

Я прекрасно понимаю, что никто не поверит в правдивость моей истории, даже если ее каким-то чудом и прочитают. Люди станут крутить пальцем у виска: надо же, какая больная фантазия!

Тем не менее это чистая правда – такая, какой она открылась мне.

Как правда и то, что я отдала бы полжизни, чтобы никогда ее не узнать.

В том, что я решила записать свою историю, повинна выработанная за долгие годы профессиональная привычка. Я журналист, всю жизнь работала в печатных изданиях, привыкла анализировать факты, перенося их на бумагу. Вдобавок, как многие журналисты, втайне мечтала стать писателем.

Написать роман и прославиться. Увидеть Париж и умереть. Смешно, конечно. Хотя насчет умереть – вовсе нет.

Теперь я знаю: моей мечте не суждено сбыться. Но то, что пишу, буду разбивать на главы – пусть будет немножко похоже на настоящий роман.

Знаю, что мою рукопись не напечатает ни одно издание, эти строки никогда не станут достоянием общественности, но это не важно. Мне нужно поделиться своим страхом – пусть даже с чистым листом бумаги. Необходимо любым путем вытащить занозу, извлечь из глубины сознания монстра, который там поселился, – и попытаться взглянуть на него при свете дня. Ведь самый страшный ночной кошмар поутру бледнеет и тает, кажется ненастоящим и не столь уж пугающим.

Может быть, если эта история заживет на страницах своей собственной, отдельной от меня жизнью, то перестанет меня мучить, день за днем отрывая от души очередной кусок? Возможно, если я опишу случившееся во всех подробностях, то у меня получится привести мысли в порядок и принять решение.

Ладно, хватит предисловий.

Меня зовут Марьяна Навинская. Многие думают, что это не настоящая фамилия, а просто звучный псевдоним, но они ошибаются. Навинскими были мои дед и бабушка по отцовской линии, мои родители и сестра – до того, как вышла замуж. Да и будь я Смирнова или Егорова, ни за что не стала бы менять фамилии и все свои статьи обязательно подписывала бы только так, не прячась под маской. Мама считает, что я чересчур прямолинейная и упрямая, – что ж, по всей видимости, она совершенно права.

Когда пишу эти строки, за окном плачет август, доживая последние дни. Лето на исходе. Три месяца назад, в конце мая, мне исполнилось тридцать два года. Совсем мало для человека, который полон планов на будущее, но слишком много для того, кто больше не знает, для чего живет.

Много лет назад я переехала в Казань. Название этого города происходит от слова «казан» (так оно и звучит по-татарски) – «большой котел». В этом котле варятся различные народы и национальности, соединяются ислам и православие, сливаются западные и восточные традиции. Должно быть, гостям из других регионов кажется непривычным смешение архитектурных стилей и языков, режут ухо то и дело вплетаемые в русскую речь татарские словечки и выражения, удивляют иглы минаретов, пронзающие небо рядом с луковками православных церквей, но мы уже привыкли ко всему этому.

Новосельцев из фильма «Служебный роман» говорил о Москве: «Я люблю этот город. Это мой город. Это очень хороший город». Я в точности то же самое могу сказать о Казани. Это в самом деле мой город, он близок мне по духу, хотя родом я не отсюда.

Моя малая родина – небольшой поселок Ягодное в одном из примыкающих к Казани районов. От города его отделяют восемьдесят километров – путь лежит через Волгу. Ехать нужно по длинному мосту. В детстве, когда приходилось преодолевать это расстояние, у меня всякий раз захватывало дух от волжской широты и ленивого величия. И страшно было: вдруг случится что-то, машина свалится вниз! Не выплывешь, не спасешься. Река – суровая и равнодушная – похоронит железную коробку внутри себя. А как надоест играться, вышвырнет белые, как рыбье брюхо, тела – и дело с концом.

Окончила я Казанский университет – училась на «факультете невест». На филфаке было всего два мальчика, да и тех непонятно каким ветром занесло: ходили оба с таким видом, будто они сами не знали, что здесь делают.

Все у меня было как у всех: слушала лекции, сдавала экзамены, жила в общежитии, бегала на свидания. Некоторые мои сокурсницы успели за пять лет и замуж выйти, и детьми обзавестись, и развестись. У меня же дальше коротких романов дело не шло. Это было предметом расстройств и огорчений – моих, сестры, родителей. Но сейчас я уверена, что все к лучшему.

После университета поработала в школе, но больше чем на полгода меня не хватило: я на собственном опыте прочувствовала, что дети – далеко не те милые создания, которых показывают в рекламе соков и творога. Конечно, есть святые люди, подвижники, которые посвящают учительству жизнь и умудряются любить свою работу, но я не из их числа.

Из школы ушла туда, куда тянуло со студенчества, – в журналистику. И преуспела. Мне есть чем гордиться. На момент, когда завертелась вся эта история, я трудилась главным редактором одного крупного журнала. Название его опущу, так и буду называть, для удобства, – Журналом.

Меня пригласили возглавить его, я была польщена, согласилась и никогда не жалела об этом. Бывали моменты, когда не хватало, как сейчас любят говорить, драйва: журнал выходил раз в месяц и не мог в этом плане тягаться с

еженедельной газетой, где я работала прежде. Зато меньше нервотрепки и больше свободного времени, и мама надеялась, что я наконец-то налажу нормальную личную жизнь.

Но увы. Горизонт мой оставался чист. По сей день ни принца, ни коня.

Зато у моей сестры в этом смысле все было отлично.

Мы погодки – Жанна старше на год. Сестра училась в финансово-экономическом: с детства любила математику. Будущий муж Илья был ее одногруппником. Как они всем рассказывали, это была любовь с первого взгляда. Как сели за одну парту в сентябре, так и поженились в конце первого курса.

Сестра с мужем во многом повторили судьбу наших родителей. Жанна недолго поработала в какой-то фирме бухгалтером, а потом осела дома. У Ильи светлая голова: финансовый советник в крупной компании, он зарабатывал какие-то немыслимые деньги и все их, как наш папа, тратил на семью и дом.

Сначала Илья и Жанна жили в Казани, но потом, к огромной радости родителей, перебрались в Ягодное. Отстроили домище в новой части поселка, которая сейчас активно заселяется. Если подняться на второй этаж, открывается фантастический вид на Волгу. Река далековато, пешком почти полчаса, но видно ее прекрасно: Ягодное расположено на возвышенности.

Пишу все это и понимаю, что мне доставляет болезненное удовольствие вспоминать о былом. О том, что никогда уже не вернется. О том, как все было до того, как от нашей семьи остались одни обломки.

Мы были очень счастливы – все вместе и каждый на свой лад. У нас была дружная семья, никто ни на кого не держал зла. Ни у кого не было камня за пазухой или фигуры из трех пальцев в кармане. Потом родилась Даша – и все хорошее стало еще лучше.

Дашуля поразила меня в самое сердце. Не знаю, каково это – любить собственного ребенка, но если это еще более сильное чувство, то, боюсь, такого мне не выдержать. Я любила и маму, и папу, и Жанну, и Илью, но то, что испытала, когда впервые увидела крошечную племяшку, было сравнимо с ударом молнии: что-то ярко полыхнуло в моей душе, и я поняла – за эту девочку

мне не жалко отдать жизнь.

Есть такая пословица: «Скрипучее дерево два века стоит, а крепкое валится». Кто болеет и жалуется, обычно живет дольше, тогда как здоровый, сильный человек часто уходит в одночасье. В этом определенно имеется зерно истины.

Иногда мне кажется, мы сами себя сглазили. Были слишком довольны и счастливы, думали, что ничего плохого просто не может свершиться. Только не с нами! Может, если бы в нашей семье чередой шли конфликты и ссоры, не было согласия и лада, мы восприняли бы все, что случилось, иначе. Постоянно ждали бы подножки от судьбы, были закалены в боях – и умели бы правильно реагировать на несчастья. Мы же оказались совершенно не готовы к тому, что обрушилось на наши головы.

Глава 2

День, который стал точкой отсчета, я помню в мельчайших подробностях, хотя прошло уже больше трех лет. Он выжжен у меня в мозгу, отпечатался так ярко, что в памяти осталось каждое слово, каждый незначительный штрих. Например, помню, что на Асе было бежевое платье с красными цветами и широким поясом и она была записана на коррекцию бровей в шесть вечера.

На работу я пришла, как обычно, чуть раньше девяти. Могла бы и вовсе не приходить: была пятница, как раз накануне мы сдали в типографию очередной номер Журнала и я разрешила творческой группе взять выходной.

Хотя Саша Мухин, наш дизайнер-верстальщик, все равно нарисуется ближе к обеду: его никакими силами дома не удержать. У Саши недавно родился сын, и по этому случаю приехала пожить теща из Елабуги. Он жаловался, что ночью орет младенец, а днем – мать жены. Так что лишний выходной Мухину не нужен. Подозреваю, что Саша врал жене, будто субботы у нас с недавних пор тоже рабочие.

Редакция располагалась в центре города. Жалко, что окна во двор: если бы они выходили на другую сторону, мы бы видели реку Казанку и новую красивую

набережную на другом берегу.

Отдельного кабинета у меня не было. Все сотрудники редакции Журнала сидели в одной большой комнате. Прежде это было три кабинета, но потом межкомнатные перегородки снесли, и получился, как любила говорить корректор Валя, муравейник: Ася – секретарша и специалист по подписке, Саша, трое журналистов, сама Валя, которая приходит несколько раз в месяц, и я. Когда Валентина заговаривала про муравейник, Ася холодно поправляла: «творческая группа» и поджимала губы: что за глупые ассоциации с насекомыми?

Рядом – бухгалтерия и кабинет для сотрудников коммерческой службы. Их трое, включая коммерческого директора. Все, кто имеет непосредственное отношение к финансам, размещаются отдельно от нашего творческого муравейника, потому что денежные расчеты и продажа журнальных полос клиентам – процесс почти интимный, не для посторонних глаз и ушей.

Рекламщики – это особая каста. Они ловкие и зубастые, но иначе в их профессии нельзя. Мягкий, бесхитростный рекламный агент – плохой агент. Поглядывают они на остальных чуточку свысока, потому что приносят изданию деньги: Журнал коммерческий, государством не финансируется.

– Доброе утро, Марьяна! Как настроение? – Ася каждое утро встречала меня одним и тем же вопросом.

У нас принято было обходиться без отчеств. Исключение составлял лишь учредитель, но это святое.

Голосок у Аси детский, звонкий, как у пионерки, что многих вводило в заблуждение. Характер-то – ого-го! Но человек она отличный: без сантиментов, но зато без гнильцы.

Ася, Саша и я работали в Журнале с момента основания. Мы сделали его таким, какой он есть, и любили ревнивой родительской любовью, то есть были убеждены, что он самый лучший и достоин большего. А еще Саша и Ася были моими друзьями, хотя я нередко спрашивала себя: продолжилось бы наше общение, если бы мы перестали работать вместе? Ведь зачастую людей связывает только общее дело.

Мой огромный стол стоял в дальнем конце кабинета, возле стены. Когда я впервые увидела его, почувствовала неловкость: чем займу такое пространство? Но вскоре проблема отпала сама собой – иногда даже чашку кофе поставить некуда.

Да и вообще у нас мало свободного места. Всюду бумажные горы: пачки журналов, подшивки, сверстанные полосы с правкой и без, фотографии, конверты, листы с текстами.

Пробираясь в то утро к своему столу, я в сотый раз подумала, что надо бы устроить субботник и избавиться от хлама.

Дел у меня особо не было. Так, по мелочи. Я решила, что уйду после обеда: мы с подругой Леной договорились поехать к ней на дачу. Мысленно я уже была в Соколовке: предвкушала купание в речке, шашлык и разговоры до полуночи. Вяло ковырялась в компьютере, набрасывала темы для будущего номера, которые собиралась обсудить на планерке в понедельник. Ближе к одиннадцати ответила на пару звонков, поговорила с Дамиром, коммерческим директором: он и его команда всегда на посту.

Настроение было совершенно нерабочее, как и всегда после сдачи очередного номера в печать. И вчера, и всю предыдущую неделю я, как и остальные, жила Журналом. Но он отправлен в типографию, и сейчас куда больше меня занимали босоножки, которые ни с того ни с сего начали натирать ногу.

Одна моя знакомая ушла из журналистики, потому что не могла смириться с тем, что в газету с ее статьей завтра будут заворачивать селедку. Век газеты и журнала короток: новости-то каждый день новые. Кому интересны былые кумиры, отжившие тренды или вчерашние проблемы, если уже успели появиться свежие? Но знакомая не сумела воспринять это как должное и устроилась в мэрию. Вот уж где настоящий пафос: каждый чиновник преисполнен сознанием важности собственной деятельности. Должно быть, теперь ее все устраивает и она довольна жизнью.

Окна были открыты, и в кабинет вплывали ароматы готовящейся еды. На первом этаже нашего офисного центра, как раз под нами, кафе-столовая. Правда, мы – я, Ася и Саша – туда не ходим: однажды Ася увидела, что на ребристой батарее, на одном уровне с разделочным столом, где лежали продукты и стояла посуда,

сушатся грязные сапоги. Я думала, у нее дым из ноздрей повалит от возмущения, но Ася взяла себя в руки и лишь категорично заявила, что ноги нашей там не будет. Так что мы обедаем в кафе неподалеку.

– Там, может, еще хуже! – резонно заметила как-то корректор Валя, но Ася одарила ее таким взглядом, что та предпочла больше не умничать.

Разумеется, может и хуже. Но ведь что око не видит, то ум не разумеет. И потом, надо же где-то есть.

В общем, из окна тянуло съестным, и я поняла, что голодна: утром не стала завтракать, только кофе выпила. На часах было почти двенадцать. Я раздумывала, стоит пойти на обед или сразу отправиться домой, когда ожил мобильный.

С большого экрана улыбалась мама: я сфотографировала ее недавно, в мае, когда приехала к родителям отмечать свой день рождения. Снимок получился удачный: мама стоит в саду, возле цветущей яблони; ее окутывает белое облако, на лицо падает отсвет, который мне почему-то хочется назвать ангельским. Она улыбается своей удивительной улыбкой, какая есть только у нее да у маленькой Даши. В этой улыбке – чистая, открытая миру, незамутненная радость. Без примеси вежливости, лести, пустой придумки или скуки. Ты просто знаешь: этот человек вправду счастлив, оттого и льется из его глаз такой умиротворяющий свет. А еще он неподдельно рад тебе и любит. Просто любит – без оговорок и условий.

Теперь эта улыбка умерла. Ее нет и никогда не будет.

Но тогда, глядя на мамино лицо на экранчике, я этого еще не знала.

Из телефона послышался звук, похожий на хрип. Мне показалось, что это помехи. В Ягодном иногда случаются перебои со связью. Сердце у меня не ёкнуло, в районе солнечного сплетения не похолодело – ничего, о чем обычно пишут в книгах. Никаких тревожных предчувствий, никакого понимания, что случилось несчастье. Или я такая толстокожая, или люди преувеличивают эти вещи. А уж писатели – и подавно.

Я давно заметила, что книжный герой, который кажется читателю наиболее живым и настоящим, никогда не поступает так, как повел бы себя на его месте реальный человек. Обычно люди не бросаются в гущу событий, не подставляют голову под пули, не торопятся с признаниями в любви. Но наблюдать за тем, как мы ведем себя на самом деле, было бы скучно, вот персонажам и приходится изощряться. Это жизненно необходимо, ведь в противном случае читатель закроет книгу и весь книжный мир погибнет.

Отвлекаюсь, рассуждаю обо всякой ерунде… Страшно закреплять кошмар на бумаге: кажется, пока не обернешь случившееся в словесную оболочку, то этого как бы и не было.

– Мамуль, я тебя плохо слышу!

Я старалась говорить громче, чтобы перекричать эфирные помехи. Голос мой был звонким, в нем трепетала улыбка – я радовалась звонку мамы, мне хотелось скорее рассказать ей, что мы сдали номер и учредитель обещал всем премию. Что он доволен мною, моей редакторской работой: тиражи наши растут, сайт собирает все больше посетителей, рекламодатели охотно идут на страницы, ведь Журнал стал популярным. Я рада, но мое счастье никогда не было полным, пока вместе со мной не порадуются мои любимые.

– Алло, мамуль? – Я все еще ничего не понимала, досадуя на сотового оператора.

А потом вдруг услышала вой. Не плач, не стон – именно вой, тоскливый, звериный, низкий. Я заледенела, и вот в этот миг до меня дошло: что-то случилось. Что-то очень, очень плохое.

– Папа? – почти не думая, помимо воли выдохнула то единственное, что пришло в голову. То, что, несмотря на ужас, может считаться логичным, ведь у отца больное сердце, он уже пережил один инфаркт.

В ответ – все то же.

Жанна, Илья и Дашуля в отпуске, на море. А папа – дома, с мамой. В голове каша, круговерть. Сердце? А может, несчастный случай? Авария?

Я не дышала, ничего не соображала в тот момент. Краем глаза видела и не видела, что Ася внимательно смотрит на меня, сдвинув очки на нос.

В трубке раздался мужской голос, в котором я не сразу узнала папин.

– Погибли… – выговорил он медленно, почти по слогам, будто учился разговаривать на иностранном языке.

Я хотела спросить кто, но не могла. Какое-то время мы оба молчали, а потом папа начал плакать. А я – в первый раз в жизни – потеряла сознание. Перед глазами словно задернули черную штору, уши заложило, грудь сдавило. И меня не стало.

Первая мысль, которая посетила меня по возвращении, касалась натертых босоножками пальцев. Было больно, и я подумала, что нужно срочно налепить новый пластырь, иначе не дойду до машины.

«Вроде нужно обувь глицерином натирать или воском, чтобы размягчить…» – подумала я.

Память вернулась не сразу, а вот телесное неудобство тут же дало о себе знать. Но все-таки блаженное неведение было недолгим.

– Папа! – рванулась я, попытавшись вскочить.

– Тише, тише. – Оказывается, Ася стояла надо мной и обмахивала полотенцем.

Наши взгляды встретились, и я поняла: мне ничего не померещилось, не пригрезилось от жары. Папа сказал то, что сказал. В руке у Аси был мой сотовый – видимо, я его выронила.

– Родители ждут. Тебе надо ехать, – сказала Ася. Когда одни, мы всегда на «ты». – Такси через пятнадцать минут. Насчет твоей машины предупрежу. Будет на стоянке сколько потребуется.

Если бы я была в состоянии, почувствовала бы благодарность за эту ее немногословную готовность прийти на помощь, за то, что не села рыдать со

мною рядом, а сразу сделала то, что нужно.

Она права – за руль мне нельзя. Водитель я начинающий, права только в апреле получила, а водить стала и вовсе в июне. В таком состоянии, как сейчас, наверное, даже дверцу не сумею открыть.

Я выбралась из кресла, чувствуя себя полной развалиной. Руки-ноги не хотели слушаться, спина была деревянная. Есть такой литературный штамп – «раздавленный горем», так вот, меня и вправду расплющило, прижало к земле.

Мы с Асей смотрели друг на друга, и губы ее подрагивали, а зеленые глаза были слишком яркими от блестевших в них слез. Наверное, она хотела сказать что-то утешительное, но не могла найти слов.

Напрасные старания: ни в одном языке мира нет слов, которые смогли бы успокоить, поддержать человека, который потерял того, кого любит.

– Яша, – беспомощно проговорила Ася, назвав меня прозвищем, которым называли только друзья. Она вдруг разом потеряла всю свою невозмутимую уверенность и теперь казалась маленькой и жалкой.

Это стало последней каплей. Рухнула незыблемая твердыня, пала столица во время войны. Все самое страшное оказалось правдой.

Всю дорогу до Ягодного я проплакала. Стоило чуть-чуть успокоиться и попробовать думать о том, что нужно для организации похорон, каким образом поддержать маму с папой, как в голове начинали мелькать картинки.

Мы с Жанной в ее комнате. Она вертится перед зеркалом – примеряет свадебное платье. У сестры длинные темно-русые волосы со светлыми мелированными прядками и карие глаза в пол-лица. Она похожа на маму, а я – копия отца. Недавно Жанна обрезала челку и теперь боится, что похожа на пони. Я говорю ей, что она похожа не на пони, а на мишку-коалу – мягкого, круглоглазого и няшного, а она швыряет в меня подушкой, и мы обе хохочем.

Дашуля в розовом слюнявчике сидит на высоком стульчике и ест пюре. Я зачерпываю его ложкой, а она раскрывает рот, как галчонок. Ей вкусно, а я не

понимаю, как можно есть протертую тыкву. Племяшка зовет меня «Маськой» – что-то среднее между Марьяной и Яшкой. Это второе слово, которое она сказала, после «мамы». Даже «папа» было третьим, и я горжусь этим, как ни одним своим профессиональным успехом, а Илья притворно хмурится: «Просто мы только про тебя и говорим целыми днями – деваться от тебя некуда! Вот ребенок и повторяет!».

Мы на берегу Волги. Пешком до него далеко: раньше часто ходили, но у Дашули ножки коротенькие, объясняет Жанна, она устанет. Сестра говорит это как-то трогательно и мило и вместе с тем забавно, так что я потом долго подкалываю ее этими «коротенькими ножками». «Давайте на выходные в Булгар махнем! Историческое место, со всего мира люди едут, а мы не были», – предлагает Жанна нам с Ильей. «Нет, тебе нельзя», – заявляю с серьезной миной. «Почему?» – удивляется сестра. «У тебя ножки коротенькие, не дойдешь».

В общем, едем на машине, оставляем ее наверху и спускаемся по тропинке к воде. Отличное местечко: трава зеленая и пушистая, как мамина мохеровая кофта. Мы с Жанной болтаем, мама возится с Дашулей. «Апся!» – просит наша детка. Это означает «купаться». Мама говорит, что рано – мы только-только из воды, но Дашулю не остановить, и все послушно лезут в речку.

И много-много всего вспоминается, и слез не удержать. Какой счастливой была жизнь, а я и не замечала, не сознавала.

Ехала в Ягодное, и мне казалось, что еду на свои собственные похороны.

Глава 3

Про то, что случилось, многие могли слышать или читать. В Интернете любая информация разлетается мгновенно. Происшествие по-настоящему трагичное, правда муссировали его не слишком долго: шокирующие новости появляются постоянно – то взрывы, то теракты, то авиакатастрофы. А тут хоть и ужасный, но все-таки несчастный случай. Нет злодеев, нет виноватых, ничего, кроме самих пострадавших.

Примерно так о случившемся было написано в одном из изданий:

«Несчастье произошло во время экскурсии на скалу Киселева – уникальной красоты природный памятник на побережье Черного моря, неподалеку от города Туапсе. Примечательна скала гладкой, отвесной каменной стеной высотою сорок шесть метров.

Это популярное экскурсионное место, куда приезжают толпы туристов. Между прочим, именно там снимали известную сцену рыбалки на Белой скале из кинофильма «Бриллиантовая рука».

Илья и Жанна Стекловы (фамилия изменена) с трехлетней дочерью прибыли к скале Киселева на прогулочном теплоходе. На смотровую площадку поднялись последними, так что других свидетелей происшествия не оказалось. По словам мужчины, его жена с дочерью подошли к краю, чтобы сфотографироваться. Снимал их он сам.

Все случилось очень быстро. Малышка, обычно послушная и спокойная, вдруг закапризничала, захныкала и принялась вертеться, с силой вырываться из рук матери. Панамка слетела с ее головы, и молодая женщина инстинктивно потянулась за ней.

– Я не успел ничего сделать, – говорит убитый горем отец. – Закричал «Осторожнее!», бросился к ним, но не успел. Дочка случайно ударила жену по лицу. Наверное, от неожиданности Жанна дернулась и оступилась. Она стояла слишком близко к краю, а там еще и ветер… Они обе упали».

Вслед за ними вниз с высоты почти пятидесяти метров полетела и фотокамера. Нам с родителями так хотелось (очень слабое слово, нужно умножить его на миллион!) взглянуть на последние снимки Дашули и Жанны – они пробыли в отпуске больше десяти дней и много снимались.

Но это оказалось невозможным. Илья выронил фотоаппарат, когда рванулся к краю скалы, и тот разбился, ударившись о камни внизу. Все, что было запечатлено, рассыпалось на кучу осколков, и соленая морская вода завершила дело.

Нет смысла писать о том, что было в те страшные дни после гибели наших любимых. Кто никогда не терял близкого человека, все равно не сумеет осознать, что чувствуют оставшиеся жить. А тот, кто сталкивался с подобным, прекрасно поймет и без лишних слов. Тем более описать словами, как плачет и стонет душа, все равно не получится.

Как только стало возможно, Илья привез тела жены и дочери в Казань. Из первого и последнего в своей короткой жизни путешествия вернулась не Дашуля, а лишь ее тело. Верю, страстно желаю верить, что души их воспарили с той огромной высоты, чтобы подняться еще выше, настолько, что это недоступно человеческому сознанию, но, по правде сказать, это слабое утешение. Как и фальшивые утверждения, что надо жить дальше.

Фальшивые, однако непреклонные.

В Журнале мне дали отпуск, и я была благодарна учредителю за понимание. Если бы он оказался менее человечным, мне пришлось бы уволиться, чтобы быть с родными в те дни. Спасибо шефу: он сохранил мне работу, он понимал, что если есть что-то на свете, способное вытащить меня из хаоса и кошмара, так это Журнал.

Уезжала я с тяжелым сердцем. Родители были сломлены: их солнце погасло. Ничто не могло вернуть им тот сияющий и яркий мир, каким он был при Жанне.

Мама с папой любили нас с сестрой одинаково. Но разница в том, что мной – моими профессиональными успехами, моей независимостью и карьерой – они гордились, а Жанна была их отрадой. Характер у сестры, что греха таить, куда лучше моего: я колючий еж, а она нежная лань. И потом, она была рядом с ними всегда, а не только по выходным.

Семья и дети были для отца с матерью чем-то вроде религии, культа. Они делали все, чтобы стать для нас лучшими родителями на свете, и я до сих пор убеждена, что так оно и есть. Закончив несколько лет назад строительство большого дома, они мечтали устраивать для детей и внуков праздники, наряжать двухметровую новогоднюю елку, собирать всех вместе за воскресным обедом: мама поставила в гостиной стол размером с небольшой аэродром, чтобы за ним свободно помещалась большая семья.

Когда погибли девочки, это выбило опору у них из-под ног. Родители не могли даже предположить такого исхода – и теперь не знали, как дальше жить.

Но им было бы немного легче, если бы Илья не вел себя так, как вел.

Я не сразу заметила перемены, хотя они и бросались в глаза. Сначала я решила, что он оглушен горем. Потерять любимую жену и ребенка – бывает ли боль острее и бесконечней?

Никто не винил его в трагедии. Даже если отбросить в сторону понятия о нравственности, у Ильи не было никакого резона убивать жену. Он не извлекал из смерти Жанны никакой финансовой или иной выгоды. Этот факт был проверен в полиции, никаких обвинений ему и не думали предъявлять.

Но, положа руку на сердце, многие на месте моих родителей хоть что-то да сказали бы в упрек зятю: ведь он был рядом с девочками и ничем не помог. Однако матери с отцом и в голову не пришло бросать ему в лицо обвинения. И потом, они любили его как родного сына.

Илюша сразу пришелся ко двору, стал своим в нашей семье. Умница, трудяга, обаяшка, да к тому же сирота. Родом он из какой-то глухомани, родился в деревне с непонятным названием Кири. Отца не знал, мать скончалась от рака, и лет с четырнадцати Илья воспитывался у тети, которая умерла незадолго до его поступления в институт. В общем, звезды сошлись по всем пунктам: мои родители считали его сыном, а я – братом.

Но после смерти Жанны и Дашули Илья стал держаться с нами как чужой человек. Молчал, почти не смотрел ни на кого из нас. Не старался найти слова утешения и обрывал, если мы пытались вызвать его на разговор. Без крайней необходимости старался не обращаться к нам и на вопросы отвечал коротко и с видимой неохотой. Не позволял обнять себя и уж тем более не заключал родных в объятия. А если кто-то из нас касался его, он сжимал челюсти, еле сдерживая желание отшатнуться, словно мы могли заразить его опасной болезнью.

Больно было видеть, как мама с папой, словно выброшенные на мороз котята, жмутся к Илье, а он только что пинком не отшвыривает их прочь. Как они страдальчески смотрят на него, пытаясь поймать вечно ускользающий взгляд, а он раз за разом отворачивается.

Это было странно, совсем не похоже на обычную его теплоту, заботу, и я терялась в догадках: в чем причина? Мы понесли потерю, всем тяжело, но разве горе не сближает близких еще больше? Да, скорбь нельзя вычеркнуть, убрать, но ведь можно разделить!

Илья же вел себя так, словно кто-то из нас был виноват в гибели Жанны и Даши. Более того – это пришло мне в голову несколько позже, почти перед самым отъездом, – Илья будто вообще решил забыть, что у него были жена и дочь. Он не упоминал их имен, не говорил о них.

Мы старались не обсуждать поведение Илюши, делая вид, что нам все только кажется. Это, конечно, страусиная тактика, но на нас и без того много всего свалилось.

Правда, мне иногда хотелось подойти к Илье, схватить за плечи и встряхнуть хорошенько. А то и по щекам отхлестать: зачем он делает моим старикам еще больнее?! Но я сдерживалась. Открытый конфликт был нужен меньше всего. Все, что оставалось, – уговаривать себя, что это пройдет, просто каждый страдает по-своему.

В редакции все смотрели на своего главреда с тревогой и опаской, носились со мной, будто я была бутылкой с нитроглицерином и в любой момент могла взорваться. Уже к вечеру первого дня меня тошнило от ласковой предупредительности и вежливости, с которой ко мне обращались, но я ничего не говорила, чтобы не обижать коллег и друзей: они полагали, что берегут меня и помогают.

Видимо, Ася и Саша предупредили, что не стоит заговаривать со мной о трагедии, нельзя ни о чем спрашивать и лезть с сочувствием, поэтому все усердно делали вид, будто я вернулась из санатория или выписалась с больничного.

Я старалась как можно больше работать – собственно, в том, чтобы загрузить себя под завязку, не было ничего сложного, неотложные дела возникали постоянно. Вскоре мне даже стало удаваться в течение двадцати-тридцати минут не вспомнить о трагедии в моей семье.

Стоило огромных усилий не звонить родителям каждый час, чтобы узнать, как они там, или просто услышать их голоса. Созванивались мы постоянно, утром и вечером – обязательно, и я чувствовала, что легче им не становится. Меня отвлекала работа, а что могло отвлечь их?

Ждали ли они от меня, чтобы я уехала из города, бросила Журнал, нашла наконец-то мужа, поселилась с ним близ матери и отца, родила им внуков? Не знаю. Но, скорее всего, родители понимали, что нельзя требовать от человека того, что он не в состоянии дать, не ломая себя. Да и вообще, вряд ли способны были думать о ком-то и о чем-то, кроме Жанны и Дашеньки.

Прошло около месяца, как я уехала в Казань. В один из наших вечерних разговоров мама поведала ужасную, по ее словам, новость. Днем она совершенно случайно, от соседки, узнала, что Илья выставил дом на продажу. С родителями он после моего отъезда ни разу не увиделся, на звонки их не отвечал, а теперь, по всей видимости, собрался исчезнуть из нашей жизни навсегда.

– Ни словечка не сказал! От посторонних людей узнала… – давясь слезами, жаловалась мама.

Скажу честно: я не столько расстроилась, сколько впала в ярость. Да что с ним такое, в самом деле? Это уж переходит всякие границы! Не знаю, что творится в голове Ильи, но такой поступок просто неприличен.

– Мамуль, пожалуйста, не нервничай. Хочет уехать – пускай едет! – попыталась я успокоить ее, хотя внутри все кипело.

– Да как же – пускай? – Мама плакала уже в голос. – Что мы ему сделали, если он вот так… Чем обидели? Я его спрашиваю, а он…

– Погоди-ка! – перебила я. – Ты что, ходила к нему?

Оказалось, ходила. Как узнала, так сразу и пошла. Отцу ничего не сказала. Звонила, стучала, но Илья не открывал, хотя был дома: мама видела его «Мазду».

Потом, видимо, сообразил, что она не уйдет, вышел во двор. Так и поговорили, через приоткрытую калитку. Предложить некогда любимой теще зайти внутрь Илья не посчитал нужным. Прежде он всегда звал ее «мамулей», как и мы с Жанной. Однако на этот раз обошелся без подобных сентиментальных излишеств.

– Я уезжаю. Этот вопрос решен, и нечего вам сюда ходить и истерики устраивать. Видеть больше не могу ни это место, ни вашу чертову семейку, – отчеканил Илья и захлопнул дверь перед маминым носом.

– Так и сказал? «Чертову семейку»? – переспросила я.

– Хуже даже сказал, – горестно вздохнула мама. – Папе только не говори.

Я и не собиралась, а вот с Ильей побеседовать хотела.

Мы с мамой говорили в четверг, и уже в пятницу после обеда я ехала в Ягодное. Все выходные после случившегося я проводила у родителей, вот и решила выяснить, что происходит с Ильей, какую обиду он на нас затаил.

В том году стояла удивительно теплая осень: дни ясные, солнечные, никаких дождей. Дело к середине октября, а я еще в легкой ветровке. Деревья по обе стороны дороги не успели лишиться листьев, многие даже сохранили летнее убранство – я слышала, такое случается, если лето было влажное.

В осеннюю пору мне грустно, часто щемит сердце и без причины хочется плакать. Лето позади, а все другие времена года я не люблю. Всегда мечтала жить в какой-нибудь стране вечного лета. Не нахожу ничего пленительного в весенних погодных метаниях, бесконечных снегопадах, студеном ветре или тоскливых ноябрьских вечерах.

Но бабье лето и вообще первая половина осени, по-моему, хуже всего. Может, это время хорошо для поэтов, только я не поэт. Как по мне, это самая лживая пора. Холода еще не наступили, солнце старается вовсю, припекает, улыбается горячечной улыбкой тяжелобольного. Красуются друг перед другом принаряженные деревья, с неба льется пронзительная синь, а прозрачный воздух хрустально чист.

Но кого может обмануть это показное великолепие? Красота осени – мнимая красота. Иллюзия жизни в преддверии смерти. Это время напоминает мне старую женщину, которая молодится, румянится, украшает себя поддельными драгоценностями, чтобы привлечь внимание. Только все бесполезно – все равно вскоре обман вылезет наружу, из-под слоя грима покажутся морщины и старческие пигментные пятна.

Несколько дней, максимум неделя – и зарядят дожди, фальшивое золото облетит с деревьев, листья скукожатся и почернеют, окажутся под ногами прохожих, и те истопчут их, вомнут каблуками в сырую землю.

Впрочем, пока я ехала в Ягодное, думала совсем не о пейзажах и временах года, а о том, как правильно построить разговор с Ильей. Мысль о том, что Илья может не впустить меня, не откроет дверь, я решительно отмела: надо будет – через забор полезу, но он ответит, с чего вдруг так окрысился на нас. Надо же, «семейка»!

Позже, когда события завертелись немыслимым образом и меня затянуло в бездонную воронку, я часто думала: не нужно мне было в тот день ездить к Илье!

Я и сейчас, в этот самый момент, когда сижу на своей кухне и пишу эти строки, думаю точно так же. Чувствую себя мухой, которая попала в липкую ловушку: чем больше барахтаюсь и силюсь вырваться, тем крепче прилипаю.

Мне следовало оставить все как есть. Пусть бы Илья навсегда уехал из Ягодного, как и собирался. Ни к чему было искать общения с ним, задавать вопросы, требовать объяснений. Нечего было настаивать, добиваться правды.

Никогда не нужно задавать лишних вопросов, ведь можно получить ответы, и – как знать? – вдруг открывшаяся правда сломает тебя, уничтожит? Жаль, эта жизненная мудрость пришла ко мне слишком поздно.

Не вызови я тогда Илью на разговор, не узнай того, что узнала, многое могло бы сложиться иначе. Моя жизнь осталась бы моей.

Наверное, это малодушные мысли, ведь человеку свойственно любым путем стремиться отыскать истину – иначе не было бы прогресса, научных открытий и

великих произведений искусства.

Все так, но когда твои поиски и устремления заводят тебя в место, откуда не выбраться, кажется, что лучше остаться в слепом неведении.

Как бы то ни было, в тот день я была полна решимости и настроилась вытянуть из Ильи правду. Всю – до запятой, до точки.

Вопреки моим ожиданиям, Илья не стал мариновать меня у входа. Открыл дверь сразу же, хотя я приготовилась к долгой осаде.

– Это ты, – констатировал он. – Так и думал, что явишься.

– А я думала, ты не захочешь открывать.

– От тебя все равно так просто не отделаешься, – криво улыбнулся Илья и посторонился, пропуская меня во двор.

Внутри все осталось так, как я помнила, только выглядело неприютным и заброшенным. Хозяину было не до наведения порядка на участке. Никто не позаботился о том, чтобы убрать облетевшие с деревьев листья, газон косили в последний раз явно еще до отъезда в отпуск, и теперь жухлая трава доходила почти до колен. Мы прошли дальше, и я увидела уголок сада: земля под яблонями сплошь усыпана гниющими яблоками, которые некому собрать, цветы на клумбах давно завяли и торчали неряшливыми пучками. В прозрачном хрустальном воздухе пахло паданкой, мертвыми цветами, сухой землей – витал запах грусти.

Мы с Ильей поднялись на крыльцо. Я боялась увидеть в доме то же запустение: присыпанную пылью мебель, горы грязной посуды, немытые полы. Это стало бы оскорблением памяти Жанны, которая была аккуратисткой и чистюлей. То, что дом пришел в упадок, стало бы еще одним жестоким напоминанием о том, что его хозяйка ушла навсегда и больше не вернется.

К счастью, внутри все осталось почти так, как прежде. Может, Илья думал примерно в том же ключе, что и я, поэтому поддерживал порядок. Я переобулась в свои тапочки, которые так и стояли в обувнице, привычным жестом пристроила

ветровку на вешалку.

Просторная прихожая, убегающая на второй этаж лестница, прикрытая дверь в столовую и кухню, гостиная, куда сразу прошел Илья…

Все же что-то не так, думала я, пока не сообразила, что именно.

Детские игрушки. Обычно они были повсюду, а теперь – нет. Конечно, Илья постарался убрать их, чтобы они не попадались ему на глаза каждую минуту, это было бы невыносимо. Но без игрушек дом выглядел голым и несуразным, как ощипанная курица.

Постаравшись выбросить эти мысли из головы, чтобы не заплакать, я прошла вслед за Ильей. Он уселся в одно из кресел, а не на диван, как обычно. Видимо, чтобы я не оказалась рядом с ним. На Илье была синяя водолазка и потертые джинсы. Он замер в напряженной позе с прямой спиной, сложив руки на коленях. Казалось, готов в любую минуту вскочить и выбежать из комнаты.

Мне ничего не оставалось, как сесть в другое кресло, напротив него, и теперь мы были разделены журнальным столиком. На столике валялись какие-то журналы, стояла фарфоровая статуэтка и фотография в нарядной рамке. Мне не нужно было смотреть на нее, чтобы узнать, кто изображен на снимке. Я видела это фото сотни раз, более того, сама снимала Дашулю на празднике в честь ее третьего дня рождения. Последнего.

Я откашлялась, пытаясь собраться с мыслями, и посмотрела в окно. Окно гостиной выходило в сад, и обычно мне нравилось любоваться тем, как Жанна все устроила: клумбы, дорожки, горки, фонтанчики, забавные скульптуры. Одно время сестра увлекалась ландшафтным дизайном.

Но сейчас фонтанчики высохли, а дорожки заросли травой. Садовые гномы выглядели неопрятно и сиротливо, однако мужественно продолжали улыбаться нарисованными улыбками. Уже не зная, за что зацепиться взглядом, чтобы сохранить хотя бы видимость спокойствия, я отвела глаза от окна и посмотрела на Илью.

– Зря ты пришла, Яша, – сказал он.

Хорошо, хоть по имени назвал. Разговор все-таки может получиться. Это ведь Илья придумал звать меня Яшей (Марьяна – Марьяша – Яша, вот почему), и прозвище прижилось.

– Илюша, нам давно нужно было поговорить…

– Не нужно! – резко вскрикнул он, и кулаки его сжались.

– Мы же всегда были друзьями, – гнула я свое, – близкими. Не знаю, почему ты шарахаешься от меня и родителей. Они любят тебя, и я тоже люблю. Мама сказала, ты собираешься уезжать. – Мне не хотелось обвинять его, но следующие мои слова он воспринял как обвинение. – Она очень расстроилась, что ты не сказал об этом ни ей, ни отцу.

– Я не обязан никому ничего докладывать, – отрезал Илья.

– Прекрати так разговаривать со мной! – не вытерпела я. – Это гадко! Я ничего тебе не сделала, и родители… Ты хоть понимаешь, что они чувствуют? У отца сердце больное, мама вся высохла, а ты…

– Вот именно – я! – Он подскочил как подброшенный и с яростью уставился на меня. – Обо мне кто-то подумал?

– Мы постоянно о тебе думаем! – Я тоже слетела с кресла и закричала: – Одному тебе, что ли, больно? Ведешь себя как капризный пятилетка! Тебе легче от того, что ты нас мучаешь? Нравиться над людьми издеваться?

Я вопила и размахивала руками, а Илья смотрел на меня. Лицо его покрылось красными пятнами, и я видела, что он еле сдерживается, но остановиться, пока все не выскажу, было выше моих сил.

– Хочешь уехать? Хорошо! Обойдемся без тебя! Но неужели нельзя было все сделать по-человечески? И вообще – от себя не убежишь, а ты… Ты можешь в конце концов объяснить, что с тобой происходит?

– Правду хочешь узнать? – не выдержал он. – Вечно тебе надо до всего докопаться! Акула пера хренова! Не хотел говорить, хотел как лучше! Но ты же

не можешь человека в покое оставить! Хорошо! Будет тебе правда! Жри, смотри только, не подавись!

Он никогда не был так груб со мной да и с кем бы то ни было старался держаться вежливо и корректно. Я замерла, понимая, что сейчас услышу то, зачем пришла. Но в короткое звенящее мгновение, пока он набирал в легкие воздух, собираясь договорить, внезапно все поняла.

Илья знал что-то плохое, и это знание грызло его, убивало. Потому он и стал другим, не похожим на себя, потому и хотел бежать отсюда. Мы любили его – но и он нас любил! Любовь накладывала печать на его уста: он молчал, желая уберечь меня и родителей. Отталкивал, держал на расстоянии, чтобы не было искушения раскрыть секрет. Только я не дала ему такой возможности, вызвала-таки на разговор. И теперь тоже узнаю то, что знает Илья, и разделю его ношу, и буду тоже мучиться, и…

«Нет-нет! Я не хочу больше ничего знать!» – чуть не завопила я, глядя в истерзанные болью, несчастные глаза, но не успела.

– Она сделала это! Не было никакого несчастного случая! Жанна сама прыгнула вниз, убила себя и нашу дочь! Теперь ты все знаешь! Довольна?

Глава 4

Проговорив эти жуткие, невозможные слова, Илья схватил стоявшую на столике фарфоровую барышню с собачкой и швырнул об пол. Раздался грохот, и хрупкая статуэтка, – как говорила Жанна, «тонкая штучка» – разбилась. Изящное произведение искусства превратилось в кучку бесформенных обломков. Фарфоровая девичья голова откатилась к моим ногам, и я тупо смотрела в безмятежно улыбающееся маленькое личико.

Внутри меня тоже что-то разлетелось на тысячу осколков, и склеить все, сложить как раньше, уже невозможно. Мне показалось, я оглохла – такая вдруг воцарилась тишина.

Илья быстро подошел ко мне, обнял, прижал к себе, желая поддержать, утешить. Он снова стал прежним – пусть на краткий миг, и я была ему благодарна.

Теперь я все знала. Но Илья был прав: что теперь делать с этой правдой? Выходит, нас с Ильей в этом клубе двое – двое посвященных. Вот только он уедет и, возможно, сумеет начать новую жизнь, а что делать мне? Рассказать обо всем родителям я не могу: это сведет их в могилу. Придется тащить тяжкий груз на себе, засыпать и просыпаться с сознанием того, что моя сестра – убийца и самоубийца; что моя любимая девочка, моя Дашуля, – жертва собственной матери.

– Зачем она это сделала? – прошептала я, отстраняясь от Ильи. – Ты знаешь?

Цепь распалась: он убрал руки с моих плеч. Мы снова были сами по себе – каждый наедине со своей бедой. Илья покачал головой.

– Можешь… – Я сглотнула тугой комок, казалось, что пересохшее горло выстлано колючками. – Можешь рассказать, как это случилось?

Мы смотрели друг на друга, и я впервые обратила внимание, что Илья сильно похудел. Кожа на скулах натянулась и пожелтела. Темно-серые глаза, прежде яркие, казались матовыми и тусклыми. Уголки рта опустились.

– Нечего рассказывать. Все было как обычно: проснулись, оделись, позавтракали. Дашуля плохо кушала в то утро, немножко капризничала, и Жанна сказала: может, нам не ездить на экскурсию. Если бы мы не… – Лицо его исказилось, и он замолчал.

– Перестань, – проговорила я как можно мягче и погладила его по щеке. – Не нужно мучить себя. Ничего уже не изменишь.

– Да-да, – рассеянно проговорил Илья, как будто не слыша моих слов. Похоже, он и вовсе позабыл обо мне, уйдя в воспоминания о том летнем дне. – Жанна померила Дашуле температуру. Все оказалось в порядке, жара не было. Может, спала плохо, подумали мы. Я спросил Дашулю, хочет ли она прокатиться на пароходике. Она сказала, что хочет. И засмеялась. Мы собрались и пошли на пристань.

Илья помолчал немного, склонив голову, и снова заговорил – глухо, немного заторможенно, словно спал.

– Прогулочный катер – или теплоход, шут его знает – плыл, Дашуля была в восторге и больше не хныкала. Жанна скормила ей большущий персик. «Пушистый», – сказала Дашуля. Она любит персики. Любила… Эта скала как будто надвигалась на нас издалека. Огромная такая стена, совершенно плоская. Все вокруг охали и ахали, восхищались: надо же, какое чудо природы! Я фотографировал – много снимков наделал. Потом теплоход причалил, и все потянулись на берег. Мы тоже спустились вслед за остальными. Можно было просто купаться, не поднимаясь наверх: вода прозрачная, голубая. Какая-то тетка сказала, что дорога не очень, тяжеловато идти наверх. Сказала и не пошла, а мы… – Он помотал головой, потер ладонью ключицу, как всегда, когда сильно нервничал. – Идти было трудно. Не так чтобы очень, но все же. Я то нес Дашу на руках, то она топала сама. В общем, поднимались долго, дольше всех остальных. Многие уже обратно спускались, а мы все тащились на эту проклятую скалу. Как на Голгофу. Когда оказались на площадке, там никого уже не было, только мы. Я подошел к краю первым. Вид оттуда, конечно, потрясающий. Жанна снимала меня, потом сказала, что тоже хочет сфотографироваться. Пока я стоял на краю, Даша не подходила туда, а за матерью вслед увязалась. Жанна взяла ее на руки. Я сказал, чтобы она не подходила слишком близко к краю: голова может закружиться, мотает там как-то… Кажется, вот-вот сдует с этой верхотуры. Жанна кивнула, но сделала к краю еще шаг и повернулась ко мне лицом. Даша обхватила ее за шею, и они обе стояли там и улыбались в объектив. Жанна сказала: «Помаши папе ручкой», Дашуля и давай махать. Я снимал. А потом Жанна вдруг раз – и еще раз шагнула туда. Я испугался, крикнул, чтобы ушла от края.

– Так, может, она просто оступилась? – не выдержала я.

Илья посмотрел на меня, и я едва не закричала, встретив этот взгляд. Глаза у Ильи были огромными и почти черными от расширившихся зрачков. Не глаза, а два бездонных колодца. Что смотрело на меня из их глубины?

– Нет. Не оступилась. Прежде чем шагнуть вниз, она улыбнулась и проговорила: «До встречи, Илюша!» Даша тоже улыбалась, засмеялась даже. Она не понимала, ничего не понимала! А я ничего не мог! Я не успел спасти! – Он вдруг перешел на шепот, и у меня мурашки побежали по коже от его свистящего

голоса: – В те ночи, когда мне удается заснуть, я вижу во сне их улыбки, Яшка. Ночь за ночью, ночь за ночью! Они стоят там, на краю бездны, смотрят на меня и смеются, смеются…

Меня будто штормовой волной вынесло из комнаты. Не могла больше оставаться там и слушать, как Илья говорит все это, не могла выносить его горящего взора. Наверное, он немножко сошел с ума – кто бы на его месте сумел сохранить здравый рассудок?

Отчаяние и ужас гнали меня прочь, и я точно знала, что больше не вернусь в этот дом, в котором поселились призраки. Двери хлопали за моей спиной, как выстрелы. Я сорвала с вешалки ветровку, схватила свои туфли, но переобуваться не стала. Так и выбежала в тапочках.

Во дворе споткнулась, кое-как удержавшись на ногах, и у самой калитки обернулась. Илья стоял у окна прихожей и смотрел мне вслед.

Когда он поднял руку и помахал мне, я едва сдержала вопль. Мне показалось, Илья улыбается, совсем как его мертвые жена и дочь. В этой улыбке было ликование и хитрое торжество. Должно быть, Илья рад, что теперь не ему одному предстоят бессонные ночи. Или надеется, что теперь, когда он открыл их тайну, Жанна и Даша станут сниться в кошмарах мне.

А может, мне просто почудилось и он вовсе не улыбался.

В ночь после нашего разговора впервые случилось то, что пошатнуло мою уверенность в незыблемости мироустройства. В течение последующих трех лет – вплоть до сегодняшнего дня – уверенность эта расшатывалась все сильнее, пока не обрушилась окончательно, похоронив под обломками мою жизнь и меня саму. Мир, каким я его себе представляла, оказался королевством кривых зеркал, и я больше не понимаю, на какой стороне мироздания нахожусь.

Я ночевала в своей комнате в родительском доме и долго не могла уснуть. Минувший день дался мне тяжело. От Ильи я поехала на берег Волги: если бы сразу явилась домой в том состоянии, в каком выскочила после разговора, то ничего не сумела бы скрыть от родителей.

Не помню, сколько времени я стояла, глядя на реку и пытаясь хоть как-то успокоиться, уложить в голове то, что пришлось узнать. Выплакавшись, немного придя в себя, я заново накрасилась, чтобы мама с папой ничего не заподозрили, и приехала домой.

Там было тихо, печаль висела над нашими головами плотным душным облаком. Мама с папой обрадовались мне, но вместе с тем словно не заметили моего появления. Каждый был с головой погружен в свои горестные мысли и бесконечные воспоминания, на лицах застыло одинаковое скорбное, отрешенное, но в то же время недоумевающее выражение, как будто им никак не удавалось понять: спят они или бодрствуют? Происходит ли все на самом деле или только снится им?

Обычно я старалась отвлечь их, расшевелить, но только не в этот раз. Наверное, сама бродила по дому с таким же лицом, как у мамы с папой, ничего и никого вокруг не замечая.

Я выпила мамины успокоительные пилюли, но сон не шел. До полуночи сидела в гостиной и тупо, не вникая в происходящее, смотрела на экран телевизора. После поднялась к себе и легла в кровать, изо всех сил пытаясь заснуть. Но чем больше я старалась, чем крепче смыкала веки, тем меньше мне хотелось спать.

Было около трех ночи, когда я открыла глаза, собираясь прекратить эту пытку и спуститься в кухню, попить чаю с молоком, полистать журнал или книгу. Но, повернув голову, я увидела, что в ногах у меня кто-то сидит.

Мрак в комнате не был сплошным: уличное освещение рассеивало его, так что я рассмотрела своего визитера совершенно отчетливо.

Это была женщина. Ее облик, поза, идеально ровная осанка – все было мне знакомо, только я пока не могла сообразить, кто это. На ней было надето что-то вроде балахона, и это одеяние тоже казалось узнаваемым. В первое мгновение я подумала, что мама зачем-то зашла в мою комнату: наверное, ей тоже не спалось. Хотела окликнуть ее, но горло мое сжалось, и я не сумела издать ни звука, потому что почти тут же поняла: это не мама.

Неведомая гостья была выше ростом. Волосы, струившиеся по спине, были длинными, а ведь у мамы короткая стрижка. Женщина сидела неподвижно и

прямо, кровать ни на сантиметр не прогибалась под нею, словно она была невесомой. Вид этой молчаливой, застывшей фигуры рождал во мне такой ужас, что, если бы я могла, завизжала бы что есть мочи и выскочила вон из комнаты.

Но я не могла ни двинуться, ни произнести ни слова. Заледенела под теплым одеялом, понимая, что это такое, когда кровь стынет в жилах.

Сознание мое раздваивалось – я буквально физически ощущала этот разлом. Одна часть меня прекрасно понимала, кто моя ночная гостья, другая отказывалась осознать это. Никогда в жизни – ни до этого, ни после – я не была ближе к тому, чтобы сойти с ума.

Женщина медленно, словно через силу, начала поворачивать голову в мою сторону. Волосы извивались черными змеями. Призрачный свет из-за окна не давал шанса не разглядеть ее лица.

«Не смотри!» – вопил отчаянный голос в моей голове. Но я не могла отвести взгляда и продолжала смотреть, обреченно ожидая, что взгляд ее вот-вот коснется меня, мы посмотрим друг на друга и…

И я увижу немыслимое.

Передо мной окажется лицо, которое я видела сотни, тысячи раз и бесконечно любила. Только теперь в нем не будет красоты, тепла и света – лишь могильный холод и жгучая ненависть мертвецов к оставшимся жить.

Я взгляну в погасшие, стылые глаза и превращусь в камень, как от смертоносного взора Медузы горгоны.

Секунды тянулись, превращаясь в века.

Мы похоронили Жанну в этом платье. Тело, изуродованное падением на камни с огромной высоты, было невозможно облачить ни во что иное. Гроб был закрытым – я никогда не видела сестру мертвой, понятия не имела, что осталось от ее лица. Мне предстояло увидеть это сейчас.

Когда она наконец взглянула на меня, я подумала о милосердии. Облегчение – вот что почувствовала в первый миг. Сила, которая привела покойницу в мою комнату спустя несколько недель после гибели, сжалилась надо мной.

Жанна была такой, какой я ее помнила. И на долю секунды мне захотелось, позабыв обо всем, броситься к ней, обнять, прижаться покрепче и никогда больше не отпускать. Мертвая или живая, это была моя сестра, и я тосковала по ней.

Лицо ее не было ни страшным, ни злобным. Она смотрела с такой тоской, какой мне никогда не доводилось видеть ни у нее, ни у кого-то другого. Смерть не даровала ей покоя, не примирила с тем, от чего она решилась уйти, шагнув в бездну с дочерью на руках.

– Жанна, зачем? – не то прошептала, не то подумала я и поняла, что плачу.

«Не надо!» – тут же с силой рванулось мне в сознание. Это было похоже не на крик, а на удар: голова тут же взорвалась болью.

Чего «не надо»? Спрашивать? Напоминать? Я не успела понять.

Рот Жанны раскрылся в безмолвном крике. Родные черты исказились, потекли, фигура стала оплывать, таять, как восковая свечка. Все произошло невероятно быстро: каких-то пара мгновений – и видение исчезло. А я сразу же отключилась. Не могу описать этого иначе: меня просто не стало, совершенно не помню, что было дальше.

Когда открыла глаза, на часах было без четверти девять.

Если бы я попыталась рассказать кому-то о случившемся ночью, меня стали бы уверять, что это был сон. Как же иначе – ведь призраков не существует. Покойники не разгуливают по ночам – это выдумки. Никому еще не удавалось вернуться с того света.

Мне объяснили бы, что я незаметно для себя задремала под действием лекарства, и в этом состоянии, на границе сна и яви, память воскресила образ погибшей сестры. Учитывая мое состояние и то, что рассказал Илья, это

абсолютно естественно! Объяснение было бы как раз таким логичным, правильным и гладким, какой обычно и бывает ложь.

– Выспалась? – спросила мама, когда я спустилась завтракать.

Мне хотелось узнать, приходила ли Жанна к ней или к отцу, но бывают вопросы, которые невозможно задать.

Спустя примерно месяц после нашего разговора Илья уехал из поселка. Нашлись покупатели, дом был продан, и Илюша зашел попрощаться. Я тоже была в Ягодном: это произошло воскресным днем.

Осень полностью вступила в свои права. Листья облетели, лишь кое-где виднелись багряные или желтые мазки, словно кто-то плеснул краской. Лишенные листвы, голые ветви отбрасывали тонкие, узкие тени: казалось, кто-то скребет по земле хищными когтистыми пальцами.

С утра зарядил холодный снег с дождем, с неба сыпались мокрые хлопья, под ногами хлюпала водянистая каша. Родители пытались позвать Илью в дом, но он отказался. Так мы все вчетвером и стояли, как на перроне, под большими зонтами, похожими на грибы. Мамина рука дрожала, и полосатый зонт в ее руке подпрыгивал. Казалось, что он хочет подняться в небо и забрать маму с собой, ввысь, а она старается удержаться на земле.

Илья вел себя сдержанно, но все же не так отчужденно и холодно, как все эти недели после похорон. Сказал, что будет жить в Казани, и хотя не оставил адреса, пообещал не менять телефон. Они обнялись, и мама, конечно, не выдержала и заплакала, а Илья стал успокаивать ее и поцеловал в щеку, совсем как раньше.

Глядя на плачущую маму, такую маленькую и беззащитную в его объятиях, на отца, который изо всех сил старался вести себя твердо и по-мужски, я вдруг ясно осознала, насколько сильно сдали родители. Дело даже не в седине и новых морщинах. Илья был сломлен, но я знала, что он оправится – пусть не сразу, а через несколько лет. А вот у мамы с папой этих лет уже не будет. У Ильи есть устремленность в будущее, они же могут жить только прошлым.

– Прости, что рассказал тебе, – сказал Илья, когда мы остались одни. – Лучше было промолчать.

Я принялась уверять его, что в любом случае лучше знать, чем оставаться в неведении и терзаться догадками, хотя сама уже сомневалась в истинности этого утверждения.

– Родители не знают, так ведь? – Вроде бы и вопрос, но вопросительной интонации в голосе не было.

Я покачала головой, и он сказал:

– Яша, послушай меня. Постарайся просто жить. И все. Не ломай голову, ты все равно никогда не поймешь, почему она это сделала. – Илья старался говорить спокойно, но я видела, как побелели костяшки его пальцев. Ручка зонтика грозила сломаться.

Интересно, он видит Жанну только во сне – или жена является ему, как явилась однажды мне? Одна она приходит или с Дашей? Сама я с той ночи не видела покойной сестры. Но всегда ложилась спать только при свете ночника, частенько еще и наглотавшись самых сильных снотворных препаратов, которые сумела отыскать в аптеке.

Ко мне вернулся детский страх перед ночной тьмой, тенями в углу и неведомыми звуками, которыми начинает дышать дом, стоит выключить свет. Для того чтобы открыть глаза, проснувшись среди ночи, или войти в темную комнату, мне требовалось призвать все свое мужество, и иногда его не хватало.

Нескоро я сумела отодвинуть страх перед новым визитом Жанны в дальний угол сознания и запереть за ним дверь. Стоит ли говорить, что замок был слишком хлипок?

– Хочешь сказать, у тебя получается – просто жить?

Он ничего не ответил и засобирался уходить.

– Холодно. – Илья поднял глаза к небу, но увидел лишь внутреннюю поверхность зонтика. Черный блестящий материал защищал от непогоды, закрывая небо своей гладкой спиной. – Иди в дом, а то простудишься.

Илья ушел, еще раз пообещав оставаться на связи, на всякий случай. Ни он, ни я не произнесли этого вслух, но оба отлично понимали, о каком таком случае может идти речь. В глубине души мы не предполагали иных обстоятельств встречи, кроме как на похоронах одного из моих родителей.

Как показали дальнейшие события, мы ошибались.

Недели до новогодних праздников обычно несутся вперед, как пришпоренные. Быть может, их подгоняет предвкушение праздника. Да и работы к концу года обычно прибавляется.

Казалось, скоро клавиатуры и мониторы наших компьютеров начнут дымиться: праздничный выпуск мы делали толще обычного номера. Рекламный отдел бил рекорды: Журнал день ото дня распухал от поздравлений и пожеланий. Наши дорогие во всех смыслах рекламодатели подводили итоги, наперебой хвастаясь объемами производства, продаж, масштабами сумм, перечисленных на благотворительность. Журналисты пыхтели от напряжения, облекая их горделивые уверения в красивые слова, превращая скучных дельцов и чиновников-хапуг в щедрых дарителей, искрометных шутников, скромных тружеников и добрых волшебников.

Предновогодняя истерия забавна в своей наивности. Мы верим в чудо, торопим его и ждем, точно зная при этом, что чудес не бывает. «Пусть старый год заберет с собой все плохое!» Что может быть глупее? Уходя, он ничего не забирает, зато новый, наступающий год, добавляет очередную порцию к списку невзгод и проблем.

Пожалуй, у меня одной настроение было ни к черту, но за бесконечной чередой дел я довольно успешно это скрывала. Ася с Сашей вздыхали с облегчением – мол, отходит понемножку – и поглядывали на меня с одобрением. Выглядело это так, будто я оправляюсь после тяжелой болезни, потихоньку встаю с кровати и учусь ходить. Только я одна и знала, что, фигурально выражаясь, все еще прикована к койке.

Слава богу, никому из коллег не пришло в голову разглагольствовать об исцеляющей силе времени. Но очевидно, что все полагали, будто с каждым днем трагедия будет отодвигаться в прошлое и выцветать из моей памяти.

Они ошибались, само собой. Я приходила домой позднее некуда и, оставаясь по вечерам одна, включив повсюду свет, думала только о Жанне и Даше. Я не могла понять, что заставило мою сестру сделать то, что она сделала, раз за разом прокручивая в голове все возможные варианты.

Жанна узнала, что смертельно, неизлечимо больна чем-то вроде рака? Нет. Вскрытие бы это показало.

Сестра выяснила, что муж изменял ей? Тут выяснить правду вскрытие не поможет, но все же я уверена, что Илья не заводил интрижки на стороне. А если бы это и случилось и Жанна узнала о любовнице, то реакцией был бы развод, а не прыжок со скалы.

Долги, шантаж, зловещие тайны криминального толка? Весь этот набор со страниц дамского романа отпадал сразу. Сестра была обычной домохозяйкой: никакой второй, секретной, жизни у Жанны быть не могло.

Тогда, может статься, депрессия? Я прошерстила кучу медицинских справочников, перечитала горы статей видных психиатров, изучила все симптомы и не нашла у Жанны ни одного из них.

Депрессивный больной считает, что жизнь в прошлом была бессмысленна, настоящее не представляет интереса и ничего хорошего в будущем не ждет. Но сестра охотно вспоминала детство, юность и вчерашний день, наслаждалась каждым новым днем и строила кучу планов. Не было ни нарушений сна или аппетита, ни горестных самообвинений, ни снижения самооценки или концентрации внимания. Я выписала из одного справочника, что наиболее типичными симптомами депрессии являются снижение настроения (от легкой грусти до тяжелой тоски), утрата интереса к жизни и возможности испытывать удовольствие, снижение жизненного тонуса и активности. Но у Жанны и близко ничего такого не наблюдалось!

Возможно, шизофрения или какое-то другое психическое заболевание? Тоже нет. У нас в роду нет тяжелой наследственности, и Жанна была абсолютно

здорова и в этом смысле.

Но вообще-то речь даже не о том, что она не состояла, не привлекалась и так далее. В сестре не было надрыва, надлома, который часто свойственен, допустим, творческим людям. У Жанны был ясный ум, трезвый взгляд на мир и покладистый характер. Она всегда оставалась спокойной, даже немного флегматичной, и лишенной двойного дна. Твердо стояла на земле обеими ногами, рациональный человек. Я могла бы поклясться, что знаю ее как облупленную, и в том, что я знала, не было и намека на истеричность, рефлексию. Если кто из нас двоих и способен на какой-то выверт, то это скорее я, чем она.

Но самое главное, что не давало покоя, – Даша. Жанна обожала свою дочурку, она не сумела бы причинить ей вреда, не говоря уже о том, чтобы убить. Она даже по попе не могла ее шлепнуть. Если какой-то из перечисленных пунктов и был верен, то Даша все равно выпадала из логической картины. Решившись убить себя, Жанна не могла обречь на смерть дочь. Да еще на смерть настолько ужасную, кровавую.

«Не надо!» – что означали эти слова, ворвавшиеся в мою голову той ночью? Возможно, Жанна хотела, чтобы я оставила ее в покое и перестала думать о причинах ее поступка, но если так, то я не могла сделать этого. Не могла остановиться.

В поисках ответов сходила в церковь и даже забрела к экстрасенсу.

Про посещение храма мне особенно сказать нечего: это было все равно что сходить к паспортистке. Обыденно, одним словом. Очевидно, чтобы получить помощь от Бога, необходимо как минимум верить в него самой. Я же постояла, посмотрела, перекрестилась, украдкой поглядев по сторонам, как надо: слева направо или справа налево, да и отправилась восвояси. К тому же священник, с которым я попробовала пообщаться, заявил, что молиться о самоубийце недопустимо.

Что же касается экстрасенса, то тут вышло очень странно.

В каждом номере Журнала мы публикуем гороскоп на месяц – дань моде, что поделаешь. Признаюсь, обычно я сама писала его. Саша с Асей посмеивались:

поговори-ка там, наверху, со своими, пусть помогут в том-то и том-то, у тебя там связи!

Как ни странно, получалось у меня довольно лихо. Однажды к нам даже обратился хозяин крупного мебельного салона с просьбой познакомить его с провидцем. Дескать, у него предсказание всегда совпадает, а теперь назрела необходимость в личной консультации. Координат «предсказателя» ему не дали, зато рекламщики убедили поклонника зодиака спонсировать рубрику.

Но на этот раз я решила изменить традиции и попробовать отыскать настоящего экстрасенса. Верила ли я в людей со сверхспособностями? Скорее да, чем нет. Возможно, некоторые из нас действительно одарены необычными талантами. Если один пишет картины или стихи, а другой сочиняет музыку, то почему бы кому-то не уметь предсказывать будущее или заглядывать в прошлое?

В Казани, как выяснилось, проживает масса людей, считающих себя экстрасенсами: колдуны и потомственные ведьмы, некроманты и гадалки всех мастей, медиумы и хироманты, обладатели даром читать будущее, трактуя Коран – священную книгу мусульман…

Ясновидящая по имени Фарида показалась мне наиболее вменяемой, и мы заключили с ней «договор на оказание информационных услуг». Чудная формулировка, как раз в духе времени. Волшебство и провидение тоже подлежат строгому учету.

Фарида добросовестно в подробностях расписала все, к чему стоит готовиться Рыбам, Стрельцам и прочим Козерогам. А после я, сама не до конца веря, что пойду на это, улучила подходящий момент и записалась к ней на прием.

Принимала она в собственном салоне, который располагался в крупном деловом центре и носил ее имя. На двери кабинета красовалась картинка: Фарида, сияющая лучезарной, всепрощающей улыбкой, воздевает руки к небесам. В углу, видимо, чтобы хозяйку салона не подозревали в связях с нечистым, изображен мусульманский полумесяц.

С собой я принесла фотографию Жанны и поступила так, как это делали ведущие в одной популярной телепередаче: попросила рассказать о женщине на фото. Фарида долго вглядывалась в снимок, водила над ним рукой, время от

времени впиваясь в меня пронзительным, но при этом слегка затуманенным взором.

Минуты шли, и взгляд ее постепенно становился все более растерянным. Фарида смотрела то на меня, то на фотографию сестры и молчала. Я ждала, не понимая, что происходит, и хотела уже спросить, в чем дело, но тут Фарида нервным движением отодвинула от себя снимок и сказала:

– Извини. Не могу помочь.

– Почему? Что-то не так?

– Я не вижу ее. Как объяснить… – Фарида помассировала виски тонкими пальцами. – Обычно человек или на этом свете, или с мертвыми. Но эта женщина… Она как будто не здесь и не там, а где-то между. А когда пытаюсь понять, перед глазами появляется круг.

– Круг? – не поняла я.

– Да, – раздраженно ответила Фарида. – Круг или что-то вроде кольца…

Она снова замолчала, и я спросила:

– Это все? Больше ничего не видите?

– Она не третьего числа родилась? – вопросом на вопрос ответила ясновидящая.

– Нет, одиннадцатого.

– Может, в марте? Или была третьим ребенком в семье?

– В феврале. И Жанна первенец, – недовольно проговорила я. Что за тычки пальцем в небо?

– Кроме круга в голове постоянно крутится цифра три. Не знаю, ничего не понимаю!

Фарида была явно расстроена, и я тоже. На шарлатанку она не похожа. Ведь не начала же плести про разлучницу-соперницу или что-то подобное. Не пыталась наговорить всего и побольше, в расчете что-нибудь да угадать. Похоже, она вправду видела то, о чем говорила, и не могла понять, что видит. Круг и тройка – что это может означать?

Я уже одевалась, собираясь уходить, когда Фарида вдруг сказала:

– Вот еще что. Она не одна такая. Есть другие кроме нее.

Глава 5

Говорят, нечего Бога гневить. Нельзя жаловаться, что плохо живешь, потому что Он услышит, рассердится и покажет тебе: может быть намного хуже.

Я вроде и не жаловалась, только горевала, боялась, пыталась дознаться до причин случившегося с Жанной и Дашей. Но хуже все равно стало. В конце декабря умер папа. Если в этой ситуации вообще можно говорить о благодарности, то я благодарна Всевышнему, что отец ушел легко. Просто не проснулся утром.

Хотя и тут есть сомнения. Как знать, может быть, кто-то навестил его в предрассветной мгле. Возможно, он открыл глаза, пробудившись среди ночи, и увидел безмолвно стоящую рядом с кроватью молодую женщину, которая держала на руках маленькую девочку. Они пришли к нему, и он попросил их остаться, но вместо этого отправился следом за ними…

В воскресенье после полудня я, как обычно проведав родителей, уехала в Казань. Думала, что мы снова увидимся на следующие выходные, но уже во вторник вернулась в Ягодное, чтобы заниматься похоронами.

В последнее время, как взялась записывать эту историю, я особенно часто вспоминаю отца. Он стоит перед моим внутренним взором, как живой, и мне чудится, что он по-прежнему там, в живописном поселке за Волгой. Не в могиле, а в доме, который построил для мамы и нас с Жанной. Колдует в своей

мастерской, белит яблони, подстригает газон. Сидит с книгой или газетой на диване в гостиной, возится с Дашей, помогает маме готовить ужин…

Счастье, что я держу в памяти его лицо и голос, походку и жесты, а значит, это правда – он все еще жив.

У меня папины густые, жесткие волосы с рыжеватым отливом – я всегда коротко стригла их, светло-ореховые глаза, пшеничные брови и ресницы, которые я в юности упорно красила в черный цвет. Он подарил мне веснушки и немного неуклюжую, как мама говорила, жеребячью худобу. Когда мне особенно плохо, я разговариваю с ним – бывает, что и вслух. Я знаю, что он слышит меня, хотя никогда не отвечает.

Теперь, когда говорить мне больше не с кем, только с ними, ушедшими, отец – мой лучший собеседник. Я брожу по своей пустой квартире, в которую больше не пускаю гостей, и с отчаянной настойчивостью спрашиваю отца: как бы ты поступил на моем месте? Одобрил бы то, что я собираюсь сделать? Но чаще задаюсь вопросом: нет ли другого выхода? Может, оттуда, где он сейчас пребывает, виднее?..

Лет пять назад отец решил купить участок на местном кладбище. Мама была против. «Зачем напоминать смерти о себе? – сердилась она. – Так и накликать можно. Помрем – похоронят, найдется местечко, никто еще поверх земли не оставался, всех закапывали».

Кто знает, может, она и оказалась права. Но отец рассуждал иначе. Говорил, что в скорбный час хотя бы об этом беспокоиться не нужно будет. Лучше все заранее предусмотреть и обо всем позаботиться.

Папа много лет работал строителем. Как для живых дома возводил, так, видимо, и мертвым хотел обеспечить пристанище.

Участок выбрал красивый, возле двух молодых рябин. Они пламенеют ягодами, точно льют по умершим алые бусины слез.

Папа и в самом страшном сне не мог увидеть, что первыми обитателями этого уголка станут его дочь и внучка. Он сколотил скамеечку и столик, и они с матерью часами просиживали у дорогих могил.

А теперь вот и для него самого приготовили последнее прибежище.

Мама после смерти отца вела себя собранно и мужественно. Я ожидала, что она будет не в силах подняться с кровати и мне придется взять на себя организацию похорон и поминок. Однако я оказалась лишь на подхвате: мама была полна решимости сделать для своего Володи все, что нужно, сама.

Отношения родителей всегда казались мне идеальными. Мама с папой никогда не ругались и не выясняли отношений – по крайней мере, при нас. Если матери случалось поднимать тему развода, говоря, разумеется, о ком-то другом, она всегда при этом крестилась, как при упоминании о нечистой силе, и добавляла: «Упаси Бог!» Развод с отцом пугал маму и одновременно находился за гранью ее понимания. Думаю, папа испытывал по данному поводу схожие чувства.

Я никогда не представляла родителей в отрыве друг от друга. Даже подумать страшно, какой одинокой мама чувствовала себя без отца.

Начальство снова вошло в положение, и я была рядом пару дней после похорон. Но скоро пришлось выйти на работу – номер «горел». Маму я оставить тоже не могла: жила с ней в Ягодном, приезжала туда вечером, а утром катила обратно. Она, конечно, говорила, что нечего мучиться, мотаться туда-сюда в такую даль, но я видела: она ждет меня, боится ночевать одна в опустевшем доме, который стал для нее слишком большим.

Тридцатого декабря, когда наша редакция отправилась на новогодний корпоратив, у отца был девятый день. Эта дата стала еще одним рубежом. Вся моя жизнь превратилась в сплошную череду «до» и «после». Причем «после» раз от разу становилось все хуже и горше.

До этой черты мама была погружена в себя и убита горем.

После – почти успокоилась, потому что повредилась рассудком.

Думаю, это было сродни состоянию перед экзаменом. Перед сдачей организм концентрирует все силы: обнаруживаются скрытые резервы, открывается второе дыхание. Но стоит сдать, как ты расслабляешься, накатывают слабость и усталость, можно даже заболеть.

Мама держалась до девятого дня – дальше ее не хватило.

Таких кошмарных новогодних каникул у меня не было никогда. Мы отмечали праздник вдвоем с мамой. Я старалась изо всех сил, чтобы хоть немного отвлечь ее: нарядила елку, настрогала салатов. Даже шампанское купила… Только к чему все это?

Началось все как раз в канун Нового года. Утром я готовила нам завтрак, когда мама вошла в кухню и бодрым тоном заявила:

– Слушай, Яша, по-моему, нашим уже пора вернуться.

Я выронила лопатку, которой переворачивала блины, и испачкала пол возле плиты. Уставилась на маму, не понимая, о чем это она, а мама, словно и не замечая моего потрясенного взгляда, невозмутимо продолжила, усевшись возле стола:

– Ты бы им позвонила, дочка! Новый год сегодня, а они все там. Какой юг в декабре? Море уже ледяное, ветер, Дашуля простудится.

– Мам, ты что, ничего не помнишь? – ляпнула я, не успев сообразить, что происходит.

– Все я помню, – нетерпеливо ответила мама. – Папа ждал их, ждал. Поехал забирать, а теперь и его не дозовешься. – Она нахмурилась: – Так ты позвонишь?

Я убрала сковороду с огня и села рядом с мамой. Поцеловала в мягкую, как тесто, щеку.

– Конечно, мамуль. Позавтракаем – и позвоню.

Во время завтрака она пришла в себя, и мы отправились на кладбище – ей так захотелось. А ближе к вечеру мама снова заговорила о том, что Жанне с семьей пора вернуться домой.

У нее теперь было два состояния: во время просветления она все вспоминала и принималась плакать, и тогда мои убогие потуги успокоить ее оканчивались полным провалом. Но чаще всего (а спустя недели две – постоянно) она пребывала в вымышленном мире. И тут уж орать от тоски и ужаса хотелось мне.

Все каникулы я ломала голову, что делать. Нужно будет устроить ей консультацию у психиатра – это ясно. Оставить маму одну в Ягодном в таком состоянии невозможно, об этом нечего и думать.

Я принялась убеждать ее, чтобы она пожила со мной в Казани. Возможно, это сумеречное состояние пройдет, если она сменит обстановку. Но мама ни в какую не соглашалась.

– Куда это я поеду из собственного дома? – протестовала она. И если находилась в помрачении, то непременно добавляла: – Наши вернутся – а тут никого? Отец расстроится.

Слушать, как мама говорит о них в настоящем времени, было невыносимо. Я думала, мы будем вместе ходить на могилы, вспоминать, плакать. Со временем острая боль притупится, превратится в тихую светлую грусть, и мама оправится – вот на что я надеялась. Тем более ей неизвестна истинная причина гибели Жанны и Даши. Но как идти на кладбище, как оплакивать, если муж, дочка и внучка в ее сознании живы?

Мама отказывалась ехать, а я не могла остаться, бросить работу и ухаживать за ней. Наверное, многие осудили бы меня: для любящей дочери выбор между матерью и карьерой очевиден. Но работа была моим способом выжить. Да что там, Журнал и был моя жизнь, и если у кого-то имеются другие жизненные маяки – семья, дети, то это счастливый человек. И потом, где брать деньги? Кредитная машина, ипотека, текущие расходы… Кто возьмется меня содержать?

Каникулы пролетели, и я решила жить в Ягодном и ездить отсюда на работу – иного выхода не видела. Однако вскоре стало ясно, что из этой затеи ничего не получится. В первый же день ближе к обеду мне позвонила соседка.

– Марьяша, приезжай скорее! – захлебываясь, кричала она в трубку. – Мать-то чего удумала!

Сердце у меня упало.

– Пошла к вашим, ну то есть к Жанночкиному дому, и давай их звать! Чего, мол, к нам с отцом не приходите? Из отпуска вернулись, а не приходите? Стучит, колотит в дверь и кричит.

– Где она сейчас? – проговорила я, соображая, что делать.

– Дома сейчас. Уложила ее. Ледяная вся – без шапки пошла, в тапочках домашних. Хорошо еще – пальто надела!

Все, можно не сомневаться: теперь весь поселок будет знать, что у мамы не в порядке с головой. Хотя это, конечно, не самое плохое.

– Ей открыл кто-то? Новые хозяева?

– Открыли – она так кричала! Там пара молодая, женщина беременная. Вышла, а Лена-то давай голосить: «Кто ты такая? Как сюда попала?» Люди слышали, Катерина с Верхней улицы за мной прибежала, я и увела Лену. Насилу увела! Не пойду, говорит, хоть ты убей! А я…

– Спасибо вам, Наталья Павловна, – прервала я излияния соседки. Наслушаюсь еще – в разных вариантах, со всеми подробностями.

Насколько я знаю наших, поселковых, каждый второй теперь будет считать своим долгом прокомментировать мамину выходку, посочувствовать и задать главный вопрос: Елена Ивановна с ума сошла или как? И давно ли?

Когда я приехала в Ягодное, мама с непримиримым видом лежала в своей комнате. Кое-как выпроводив неугомонную соседку, я присела возле нее. Губы у мамы были поджаты, глаза сухие, но покрасневшие: она недавно плакала.

Изменения в голове постепенно стали отражаться на ее внешности. Совсем скоро этот процесс пошел полным ходом, но в тот момент я наблюдая лишь первые признаки.

Счастливое ожидание, когда же ее родные вернутся с юга, сменилось горькой обидой на весь свет: мама стала считать, будто все ее бросили, предали. Осталась лишь я, но ко мне она со временем прониклась беспочвенной, жгучей неприязнью, которая изредка сменялась плаксивостью.

Сидя в тот вечер на ее кровати, я и предположить не могла, куда заведет нас с ней ее душевная болезнь, но чувствовала, что любимая мамуля, мой друг и добрый советчик, опора и единственный родной человек, ускользает навсегда и я не могу догнать ее, вернуть.

– Ты почему не сказала, что они сбежали от меня? – спросила мама, отдернув руку, которую я хотела погладить.

– Они не сбежали мамуль, просто…

Я и сама не знала, что «просто», как донести до нее правду и стоит ли это делать. Замялась, замолчала, но мама и не ждала моего ответа.

– И дом, оказывается, продали чужим людям! Сами на юге живут и отца забрали, а мать тут лежи! Не нужна стала?

Она долго еще бормотала что-то в этом роде, я почти не вслушивалась. Внутри черепа словно ковыряли отверткой: там зарождалась воронка головной боли, и я уже знала, что ничем не смогу ее купировать. Это, как обычно говорила Жанна, на нервной почве. Таблетки в таких случаях не помогали, только сон. Только я отлично знала, что уснуть не удастся.

Постепенно мама успокоилась, стала говорить медленнее и тише, пока наконец не заснула. Я тихонечко встала и вышла из комнаты. Прошла по коридору, спустилась вниз, в кухню.

Тихий дом был населен призраками. Я шла и видела их так же отчетливо, как сейчас вижу свои пальцы на клавиатуре ноутбука.

В гостиной, у окна, сидит в любимом своем кресле отец, маленькая Дашуля расположилась под лестницей со своими игрушками. Почему-то там ей нравилось играть больше всего. Мама печет яблочный пирог, и Жанна помогает

ей нарезать яблоки для начинки. А вот и я сама – склонилась над ноутбуком и дописываю очередную статью.

Я застонала, стиснув зубы так, что челюсти свело болью, и эта новая боль соединилась с той, что уже в полную силу терзала мою несчастную голову.

«Что мне делать? Что?» – стучалось в виски, и я не могла найти ответа.

Сделала то, что пришло в голову первым: отыскала в баре бутылку вина и налила себе в бокал щедрую порцию. Есть не хотелось, а вот выпить не помешает. Может, и головная боль пройдет. И тягостные мысли отступят – хоть на время.

Вино, которое подвернулась под руку, было белым, да к тому же слишком теплым и слишком кислым. Но это лучше, чем ничего. Головная боль никуда не делась, но сознание затуманилось и снизошло спокойствие. Пусть временное, алкогольное, но, как говорится, за неимением гербовой бумаги пишут на простой.

Я пренебрегла мудрым советом не пить в одиночестве и основательно надралась той ночью. Выпитое на голодный желудок ударило по мозгам, как кувалда, но я вливала в себя бокал за бокалом и поняла, что пьяна, только когда увидела, что бутылка опустела.

«Пей не пей, – довольно-таки трезво думала я, – а решение принимать нужно. Никто этого за меня не сделает. Маму необходимо срочно перевезти в Казань, показать специалисту».

На часах была половина двенадцатого, за окном – холодная чернильная мгла. И точно такая же мгла поселилась в душе. Мой последний роман закончился около года назад, не оставив на сердце даже крохотного шрама. Был и был. Сплыл. Даже позвонить и поплакаться в жилетку – некому.

– Володя! – раздался мамин окрик.

Меня словно огрели плетью меж лопаток. Я слезла со стула, выбросила пустую бутылку в мусорное ведро и потащилась наверх.

* * *

Вытащить маму из Ягодного и уговорить поехать со мной в Казань было делом нелегким. Пришлось соврать, что там мы встретимся с отцом.

Ее осмотрели врачи. Сначала невролог, а после – психиатр. Первый подтвердил гипертонию, о которой мы давно знали, и больше не нашел ничего нового. Второй долго беседовал с мамой и в итоге поставил диагноз. Он изъяснялся долго и витиевато, щедро сдабривая речь пугающими медицинскими терминами, наиболее понятным из которых был старческий психоз.

– Что же теперь делать? – спросила я, и врач порекомендовал стационарное лечение.

Помещать маму в психиатрическую клинику я отказалась. Доктор пожал плечами и выписал гору рецептов.

– Голубушка, чтобы ухаживать за такими больными, нужны железные нервы и масса свободного времени, – проговорил он на прощание. – Звоните, когда передумаете.

Врач сказал не «если», а «когда». Я сразу обратила на это внимание и скоро осознала, почему он не сомневался в моем решении.

На работе я снова не появлялась, и на этот раз сердечности в интонациях шефа-учредителя было гораздо меньше. Кому нужен работник с непрекращающимися проблемами?

Я уверила его, что постараюсь утрясти все как можно быстрее. Ненавидя себя за это, в красках расписала случившееся с мамой, напомнила об отце и сестре. Даже про бегство Ильи рассказала и про то, что других родственников у нас нет, поэтому мне придется справляться со всем самой. Упомянула ипотеку и автокредит. Обычно я никогда и никому не давлю на жалость – по крайней мере сознательно, но в данном случае на кону стояла моя работа.

В итоге шеф смягчился, серые льдинки в его глазах растаяли. Он вполне искренне посочувствовал мне и разрешил взять дни в счет отпуска. Все свои

отгулы я уже успела истратить.

Глава 6

Меня хватило на десять дней. Прежде, с августа, жизнь казалась горькой, несправедливой, тоскливой – можно продолжить синонимический ряд. Теперь же она превратилась в ад кромешный.

Я давала маме лекарства, которые прописал доктор, но он и сам говорил, что сильные препараты можно использовать лишь в условиях стационара. А те, что он рекомендовал сейчас, нужны были больше для моего успокоения, чтобы я могла считать, будто делаю все необходимое. Реальной же пользы матери лекарства не приносили. Она послушно пила отвары, думая, что это чай, глотала пилюли, которые я растворяла в супе, но результат оставался нулевым.

Распад ее личности был настолько стремительным, что мне временами думалось, будто она притворяется. Такого просто не могло быть. От нее прежней оставалось все меньше и меньше.

Мама путала имена, лица и события. Экранные и книжные персонажи оказывались ее близкими знакомыми, меня же она признавать за свою дочь не желала. Иногда вспоминала о том, что у нее были муж, дочь, внучка, а теперь вот их нет рядом, но события перепутались в ее голове и мама не столько скорбела о близких, сколько злилась, что они ее бросили. Убеждать ее в чем-то было бессмысленно, оставалось лишь слушать проклятья в адрес родных. Я и не думала, что мама знает такие слова.

Характер у нее сделался склочный и подозрительный. Мама часто кричала и плакала, была уверена, что все желают ей зла, хотят ее ограбить или убить. Однажды, придя с работы, я обнаружила ее в стенном шкафу. Вся вещи оттуда были выброшены, а сама она сидела, скорчившись, на полу, и я кое-как сумела уговорить ее выйти оттуда.

– Только тут они меня не найдут, – плакала она. – Ходят, ищут…

Правда, уже на следующий день она просила меня вовсе заколотить шкаф досками, потому что оттуда постоянно выходят какие-то люди и кричат на нее, отбирают еду.

Я слышала, что больные с поврежденным рассудком много едят, но не думала, что настолько. Прежде в высшей степени аккуратная, мама теперь ела неопрятно и жадно. Куски пищи валились изо рта, не успев дожевать один кусок, она хватала второй. Она ела – и забывала об этом. Уже через полчаса после обеда она заявляла, что голодна, что я специально морю ее голодом, прячу от нее продукты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/albina-nuri/obrechennye-na-strah

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить